

ної філософії (філософії дії), із середини якої уможливаюється плідне переосмислення, зокрема, таких теоретико-пізнавальних проблем, як основна з них – про природу знання.

Література:

1) Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения: в 4-х тт. Т. 4; [пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура]. – М. : Мысль, 1983. – 830 с. – С. 53–293.

2) Платон. Менон / Платон // Собрание починений в 4 тт. Т. 1; [общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступ. статьи А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч.]. – М. : Мысль, 1990. – 860 с. – С. 575–612.

3) Greco J. Achieving Knowledge. A Virtue-Theory Account of Epistemic Normativity / J. Greco. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 205 p.

4) Kvanvig J. The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding / J. Kvanvig. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 232 p.

Влияние личного опыта на формирование интерсубъективных связей и идентичности в островном сообществе (на примере Соловецких островов)

Лидия Рахманова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

«Опыт – это осадок исторического
в конфигурациях индивидуальной судьбы.
Он сопрягает биографию с историей»

[Смирнова 1997]

Нигде столь ярко не проявляется связь личной судьбы и проживаемого опыта с историей той территории, на которой проживает человек, как в местах, обладающих богатой историей и сложным взаимоналожением пространственных символов. Именно таким «местом», где

каждая пядь земли пропитана духовными переживаниями, страданиями, молитвой, «местом», пережившим военные и идеологические столкновения, – являются Соловецкие острова в Белом море.

Острова хранят память о жизни монастыря, просуществовавшего пять веков, память о лагере СЛОН, о тюрьме и расстрелах, о непосильном труде; память о военных годах, неунывающих юнгах и моряках, базировавшихся на Соловках после Второй мировой войны. На сегодняшний день в пос. Соловецкий на Большом Соловецком острове проживает гражданское население численностью около тысячи человек. Как выстраиваются отношения внутри данного островного сообщества?

Согласно наблюдениям и интервью, проведенным во время нескольких полевых сезонов, мы можем сделать вывод, что общение островитян принимает порой очень странные формы. Многие не контактируют со своими соседями вживую, предпочитая общаться через интернет, находясь в пяти минутах ходьбы друг от друга. Коммуникация происходит, можно зафиксировать акт передачи информации, однако общение ли это? Переживают ли жители в этот момент опыт взаимодействия друг с другом?

Альфред Шюц задается вопросом «как вообще возможны взаимное понимание и коммуникация как таковые? [...] И не предполагает ли интерпретация значений Другого, его действий и результатов, самоинтерпретацию наблюдателя или партнера?» [Шюц 2004, с. 178–179].

Проблема интерсубъективности – только проблема коммуникации и коммуникативных связей. Интерсубъективность проявляется в моменты, когда я понимаю Другого как самого себя и способен к рефлексии. Интерсубъективный контакт предполагает включенность в общение, неотвлеченное внимание, эмпатию, которые в итоге приводят к возможной в данной ситуации степени взаимопонимания.

Стоит отметить, что вступая во взаимоотношения и взаимодействуя по поводу общих интересов, идей, целей, человек воссоздает и осознает свою собственную идентичность. «Мы-отношение является фундаментальным для реализации человеческой способности к самоопределению. Лишь будучи способен относиться к другому как к уникальной личности, человек обретает возможность индивидуализироваться, оттачивать собственные личностные характеристики» [Смирнова 1997].

Итак, размытая социокультурная идентичность является следствием неспособности устанавливать крепкие интерсубъективные связи. Почему они столь важны для изолированного островного сообщества? «Интерсубъективность жизненного мира означает, что персональные интерпретации ... синтезируются в общезначимую картину мира определенного культурного сообщества» [Шюц 2004, с. 1041]. Культурное сообщество, основанное на общности территории, неизбежно приходит к необходимости совершить выбор: либо унаследовать историю, связанную с данным местом и продолжить ее, реинтерпретировав в новом ключе, либо отказаться от признания себя частью этого исторического контекста и начать выстраивать собственное культурно-историческое пространство, наполненное его новыми символами и опытом.

Но история – это не только осмысление прошлого. В ней заложен потенциал будущих событий, будущих совместных действий, будущих свершений. Увидеть будущее Соловецких островов невозможно, абстрагировавшись от жизни жителей поселка, наших современников. «Представляется, что связь с будущим, присутствие будущего в настоящем свершается лицом к лицу с другим. Тогда ситуация лицом к лицу есть само свершение времени. Захват настоящим будущего – не акт (жизни) одинокого субъекта, а межсубъектная (intersubjective) связь. Ситуация бытия во времени – в отношениях между людьми, то есть в истории» [Левинас 1998, с. 81]. Таким образом «свершение времени» и развертывание истории в каждом уголке земли невозможно, без параллельного формирования и развития в нем сообщества. Именно в сообществе потенциальная история становится социо-культурным опытом: совместно пережитым, интерсубъективно осмысленным и рефлексивно воспринятым каждым человеком.

Литература:

- 1) Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб., 1998. – 266 с.
- 2) Смирнова Н.М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М., 1997. – 227 с. – Режим доступа : <http://philosophy.ru/iphras/library/phenom.html>. – [Название с экрана].
- 3) Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц;

[Пер. с нем. и англ.] – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

Інший – проекція чи розгортання суб'єктивності?

Валерія Гончаренко

ЧНУ ім. Б.Хмельницького (Черкаси, Україна)

Концепції суб'єкта та суб'єктивності в сучасній філософії у контексті її актуального розвитку виступають як релевантні і смислоутворюючі (В. Декомб). Очевидно, що метафізика суб'єкта тісно пов'язана з діалогічною традицією в європейській філософії 20-го ст. (від Ф. Розенцвейга до Е. Левінаса) та з концепцією Іншого у найрізноманітніших її прочитаннях (від М. Бубера і П. Рікера до Х. Яннараса). Проблема Іншого не втрачає актуальності сьогодні, оскільки безпосередньо стосується проблеми самоідентифікації людини, усвідомлення нею себе.

Людина як територія власної свободи завжди залишатиметься для себе *terra incognita*. «Істина може полягати лише у відкритості буття самому собі, усвідомленні самого себе» [Левінас 2006, с. 193]. Людина – це детермінація себе. Вона постійно себе долає, виходить за власні межі. Шлях безперервного людського становлення є дорогою до Іншого. Схожі міркування знаходимо у М. Бубера : «Всіляке дійсне життя є зустріч» [Бубер 1995, с. 34]. Інший дозволяє нам віднайти самих себе. Це не інтерпретується як засіб, але як причетність до світу. «Раптова поява суб'єктивності, душі, запитання «хто», залишається корелятом буття» [Левінас 2006, с. 193]. Іншого не долають, до нього варто долучитися. Це як відкритість світові, який ми приймаємо, якому відаємося. Людина, яка справді усвідомила себе людиною, є носієм любові. Любов як смисложиттєвий екзистенціал укорінює людину в житті. Особистість має бути спроможна чути інших людей, оскільки, за О. Вейнінгером, зрозуміти людину – означає носити її в собі, а любити людину – надавати їй безсмертя (згідно з Г. Марселем). Ставлення до Іншого розуміється як шлях до нового гуманізму, оскільки Інший – це щось більше, ніж ти сам. Тільки таким чином людина можлива як духовна істота. Співбуття з Іншим формує людину як таку,